

УДК 82

**«ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА»
В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ ОД М.В. ЛОМОНОСОВА**

© 2014 г.

В.Л. Коровин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

korovinv@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2014

Речь идет о композиции раздела «Оды духовные» в прижизненных изданиях сочинений Ломоносова. Она оказывается сходной с идейной структурой библейской Книги Иова: страдания и жалобы праведника – увещательная речь Бога – признание человеком ограниченности своего знания и мудрости Творца. «Ода, выбранная из Иова» является здесь ключевым произведением и позволяет судить об отношении Ломоносова к разным традициям толкования Книги Иова.

Ключевые слова: духовная ода, Ломоносов, религиозные взгляды Ломоносова, Книга Иова, вера и знание, Бегемот и Левиафан.

В двух прижизненных собраниях стихотворений Ломоносова (1751 и 1757 гг.) первым помещен раздел «Оды духовные». В нем только десять стихотворений: семь «преложений» псалмов (1, 14, 26, 34, 70, 143, 145), «Ода, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40, 41» и два оригинальных стихотворения – «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (в посмертных, начиная с 1784 г., изданиях в «Одах духовных» печатается также незавершенное переложение 103 псалма). «Ода, выбранная из Иова» выделяется в их ряду по объему и строфике¹, а главное, по характеру отношения к Священному Писанию. В отличие от двух «Размышлений», она основана на вполне определенном библейском тексте, а в отличие от переложений псалмов, отличающихся у Ломоносова большой точностью², это свободное переложение, в котором использованы только «выбранные» из Книги Иова стихи, причем помещенные в обрамлении строф «от автора» (первая и последняя). Между парафразами псалмов и оригинальными стихотворениями «Ода, выбранная из Иова» является связующим звеном. Это центральное произведение всего цикла ломоносовских духовных од, в свое время заслуженно пользовавшееся хрестоматийной известностью³.

Для переложения из Книги Иова Ломоносов выбрал лишь заключительную увещательную речь Господа «из бури» (Иов 38:1 – 41:26). Из этого делали вывод, что его не заинтересовала проблематика библейской книги, что он прошел мимо «страстного протеста многострадального Иова» [3, с. 65]. В переложении Ломоносова

небезосновательно видят апологию идеи о мудром благоустройстве «видимого мира», который, как с помощью одного силлогизма доказывается в его «Риторике», «от разумного существа устроен» [4, т. VII, с. 319]. Однако содержание «Оды, выбранной из Иова» к иллюстрации этой мысли не сводится. Проблемы мироустройства особым образом занимают Ломоносова в «Утреннем...» и «Вечернем размышлении о Божием величестве»: в первом поводом для раздумий служат физические процессы на Солнце, во втором – идея «множества миров» и необъясненность причин Северного сияния. В отличие от них, в «Оде, выбранной из Иова» вопросы о законах природы («равной силе естества») и границах научного познания прямо не обсуждаются. Главное в ней, как, собственно, и в Книге Иова, это вопрос об отношении Бога к сотворенному Им миру и человеку. И, как для Иова, для Ломоносова это не столько отвлеченный, сколько жизненный и религиозный вопрос.

Все семь переложений псалмов, которые в «Одах духовных» предворяют «Оду, выбранную из Иова», говорят о скорбях праведника, окруженного торжествующими и самоуверенными грешниками, но не ослабевающего в своем уповании на праведный суд и помощь Божию⁴: «Счастлива жизнь моих врагов! / Но те светлее веселятся, / Ни бурь, ни громов не боятся, / Которым Вышний сам покров» [4, т. VIII, с. 116]⁵. Ломоносовский псалмопевец находится в положении, сходном с Иовом, и жалуется, подобно ему: «О Боже, что есть человек? / Что Ты ему Себя являешь, / И так его Ты почитаешь, / Которого толь краток век. / Он утро, ве-

чер, ночь и день / Во тщетных помыслах проводит; / И так вся жизнь его проходит, / Подобно как пустая тень»⁶ («Преложение псалма 143»).

Восстающие на псалмопевца клеветники в переложениях Ломоносова подобны друзьям праведного Иова, намекавшим ему, что он, видно, человек грешный и получает по заслугам: «Уже свидетели восстали / Неправедные на меня / И, стыд оставив, вопрошали / О том, чего не знаю я» («Преложение псалма 34»). В ломоносовских переложениях, кроме того, не раз встречаются формулировки, которое подошли бы для сжатого изложения всей истории Иова: «Ты к пропасти меня поставил, / Чтоб я свою погибель зрел; / Но скоро, обратясь, избавил / И от глубоких бездн возвел» («Преложение псалма 70»).

Ободряющий призыв к мужеству, исходящий в «Оде, выбранной из Иова» от Бога («Мужайся, стой и дай ответ...»), и призыв к терпению и надежде на Бога, исходящий от самого автора в заключительных строках («В надежде тяготу сноси / И без роптания проси»), также имеют соответствия в переложениях псалмов: «Ты, сердце, духом укрепись, / О Господе мужайся, / И бедствием не колеблись, / На Бога полагайся» («Преложение псалма 26»).

Примеры можно умножить, но и этих, кажется, достаточно, чтоб убедиться в небезразличном отношении Ломоносова к вопросам, волновавшим священного писателя Книги Иова. Жалобы праведника оставлены за текстом ломоносовской оды, но им предоставлено место в его же переложениях псалмов. Написанные от лица искушаемого бедами *праведного человека*, они подготавливают читателя к переложению речи *Всемогущего Бога* в «Оде, выбранной из Иова».

В Библии вслед за этою речью идут слова раскаяния Иова: «*И отвечал Иов Господу и сказал: знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. <...> Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, [взывал я,] и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же глаза мои видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле*» (Иов 42: 1–6). Иов получил подтверждение своей веры во Всемогущество Божие (он говорит «знаю», а не «теперь только узнал»), убедился в неусыпном попечении Творца о каждом из Своих творений (а тем более, о человеке, с которым Он в данный момент говорит), признал свою ограниченность, раскаялся в том,

что, «ничего не разумея», отрицал Божественный Промысл, и утвердился в надежде на Бога.

Практическая моральная составляющая урока, извлеченного Иовом из того, что он услышал, у Ломоносова подытожена в заключительной строфе, обращенной от лица автора к «напрасно» ропшущему на Бога человеку: «Святую волю почитаю, <...> В надежде тяготу сноси...» Последняя речь Иова имеет также параллель в замыкающих ряд духовных од «Утреннем...» и «Вечернем размышлении о Божиим величестве»: в них утверждается величие Бога не только как Творца, но и «бессмертного Царя» созданной Им вселенной, и признается ограниченность человеческого (научного) знания и необходимость Божественного откровения. «Вечернее размышление...», в котором автор обращается к «премудрым» (людям науки), выстроено в форме вопросов, изобличающих их невежество, – так же, как речь Бога к Иову. Оно заканчивается ироническим обращением к ученым коллегам, не согласным между собою насчет причин Северного сияния: «Сомнений полон ваш ответ / О том, что окрест ближних мест. / Скажите ж, коль пространен свет? / И что малейших дале звезд? / Несведом тварей вам конец? / Скажите ж, коль велик Творец?» Последний вопрос, конечно, должен привести их к молчанию, как умолкает Иов, потому что прежде его знание было несовершенно («я слышал о Тебе слухом уха»), а теперь, через откровение, ему сообщено истинное знание («теперь же глаза мои видят Тебя»). Однако, признавая в своих «Размышлениях» ограниченность человеческих возможностей, Ломоносов не отрицает, а утверждает значимость научного познания мира (в первую очередь – астрономии), поскольку для него это тоже род «откровения» о Творце, побуждающего признать бесконечное превосходство Его мудрости над человеческой и воздать Ему хвалу⁷. При этом сам путь от догадок и предположений к истинному знанию о Творце через раскрытие («откровение») тайн тварного мира здесь тот же, что в Книге Иова, и влечет за собой тот же урок смирения перед Ним.

Композиция раздела «Оды духовные» в сочинениях Ломоносова оказывается до известной степени сходной с идейной структурой библейской книги: страдания, мольбы и жалобы праведника (семь переложений псалмов) – увещательная речь Бога («Ода, выбранная из Иова») – признание человеком ограниченности своего знания и абсолютной правоты и мудрости Творца (два «Размышления»). Таким образом, содержание Книги Иова оказывается «внутрен-

ним сюжетом» цикла духовных од Ломоносова, а «Ода, выбранная из Иова» – ключевым среди них произведением.

2.

В Книге Иова есть, среди прочего, ряд темных мест, различающихся в разных переводах, и толкуется она по-разному. Какое же ее понимание нашло отражение в «Оде, выбранной из Иова»? Два момента здесь достаточно очевидны. Во-первых, ясно, как Ломоносов понимает сам образ Иова и его страдания. В полном согласии с первыми словами библейской книги, православной гимнографией и общехристианской традицией, уподобляющей Страсти Христовы страданиям Иова, он считает Иова праведником, а страдания его – безвинными, но не бессмысленными. Во-вторых, он утверждает мысль о благоустройстве творения и правоте Божественного Промысла. Бог в «Оде, выбранной из Иова» – это, прежде всего, Творец мира, но печется Он о благе именно человека: «Он все на пользу нашу строит, / Казнит кого или покоит». Отсюда и мораль, что следует почитать Его «святую волю» и не ропать на Него «напрасно».

Общее понимание Книги Иова в переложении Ломоносова вполне согласуется с общехристианским и противостоит, например, гностическим учениям⁸. Однако и в этих рамках существуют различные традиции ее толкования, имеющие конфессиональную окраску. Это касается, прежде всего, описания Бегемота и Левиафана. С одной стороны, употребление слов «Бегемот» и «Левиафан», являющихся транслитерацией слов из еврейского текста, показывает, что Ломоносов здесь воспользовался не греческим или славянским переводами Библии (в них на этом месте «зверь» и «змий»), а латинским или связанными с ним новоевропейскими (прежде всего, немецкими). Иными словами, опирался на западную традицию. А с другой стороны, он проигнорировал характерное именно для нее аллегорическое толкование их как образов дьявола⁹, представив Бегемота и Левиафана в своем переложении только как могущественных животных, первое из которых обитает на суше, а второе – в море (их описанию предшествует строфа об Орле, первенствующем в воздухе).

Однажды, протестуя против буквального понимания образных выражений Библии об устройстве физического мира, Ломоносов напомнил, что «Священное Писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом» [4, т. II, с. 372], т.е. иногда «историческому» толкованию следует предпо-

честь «аллегорическое». Однако «риторским разумом» описания Бегемота и Левиафана он сознательно пренебрег, дав в своем переложении всецело «историческое» его толкование: «Воззри в леса на Бегемота, / Что Мною сотворен с тобой; / Колючей терн его охота / Безвредно попирает ногой. / Как веревы сплетены в нем жилы. Отведай ты своей с ним силы! / В нем ребра как литая медь; / Кто может рог его сотреть?»

Что речь идет именно о животном, можно понять из неясного выражения: «Мною сотворен с тобой...» Один автор в конце XVIII в. усмотрел в этом стилистическую погрешность: «Мною сотворен с тобою, кажется, что вместе сотворен бегемот с Иовом. Стихотворец хотел сказать: который сотворен Мною же, равно как и ты; а потому мысль его несвойственным речением запутана и темна» [9, с. 32]. Не исключено, что Ломоносов здесь неудачно передал выражение из латинского перевода: «Ессе behemoth quem feci tecum» (40:10). Но также допустимо понять это выражение как «сотворен Мною в одно время с тобой», т.е. в один и тот же День творения мира, а именно в День шестой, когда, по Книге Бытия, были сотворены животные и человек (Быт 1:24–31). Таким способом подчеркивается, что речь идет не об одном из бесов (падших ангелов, сотворенных гораздо раньше), а о простом животном, хоть и очень сильном. В таком понимании это выражение оказывается не стилистической погрешностью, а элементом продуманного толкования библейского текста.

Отобранные или, наоборот, пропущенные Ломоносовым детали из описания Бегемота в подлиннике (Иов 40:10–19) также свидетельствуют об экзегетической направленности его переложения: они служат тому, чтобы уточнить, о каком животном идет речь. Так, он пропускает упоминание о реке, из которой пьет Бегемот, и слова об Иордане, устремляющемся «ко рту его» (40:18), чтобы нельзя было подумать, что имеется в виду крокодил. Такое толкование Ломоносову, безусловно, было известно, но он, очевидно, не был с ним согласен. По той же причине он умалчивает о болотистом характере местности, в которой обитает библейский зверь (слабый намек на это был в первой публикации оды в 1751 г.: «Воззри в луга на Бегемота»; при повторном ее издании в 1757 г. поэт внес сюда изменение: «Воззри в леса на Бегемота»). Зато уже от себя он добавил одну существенную деталь: «Кто может рог его сотреть?» (ср.: Иов: 40:19). Ломоносов, как видно, думал о носороге

[см.: 10, с. 55–59], но не был в этом до конца уверен, поэтому «рог» у него появляется во фразе, которую можно понять также иносказательно (т.е. «кто может его одолеть?»).

Ю.М. Лотман обращал внимание на полемическую направленность «Оды, выбранной из Иова» [11, с. 253–262]. По его мнению, Ломоносов своей антидемонологической трактовкой образов Бегемота и Левиафана протестовал против истерического страха перед дьяволом, выразившегося в процессах над ведьмами и казнях еретиков в протестантских и католических странах, а теперь (чего якобы опасался Ломоносов) запоздало овладевавшего умами православного духовенства. Эта гипотеза не является, однако, единственно возможным объяснением того, почему он выбрал вызывающих такие ассоциации Бегемота и Левиафана, а не более нейтральных «зверя» и «змия».

Думается, сделать такой выбор Ломоносова побудили *естественнонаучные* и *художественные* соображения. Неопределенные «зверь» и «змий» его не устраивали именно своей неопределенностью: в одном ряду с Орлом ему нужны были конкретные сухопутное и морское животные. Библейского Бегемота Ломоносов считал носорогом, а Левиафана – китом, причем в последнем он был убежден всеерьез. «Змий» в славянском тексте 103 псалма, на месте которого в сделанных с еврейского переводах находится левиафан, он просто считал неправильным переводом, о чем писал В.Н. Татищеву 27 янв. 1749 г.: «...принявшись прелгать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал еси ругатися ему”, вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство)» [4, т. X, с. 462].

Как видно, слово «левиафан» Ломоносов здесь однозначно переводит как «кит». «Змий» в славянском тексте Книги Иова он, конечно, считал ошибкой. В переложении он оставил его Левиафаном, а не переименовал в Кита по той причине, что дать в одном ряду Кита и Бегемота, в своей идентификации которого с известным современным животным (носорогом) наш поэт и ученый не был уверен, не представлялось возможным. Так же странно выглядела бы пара Зверь и Кит. Оставался только один вариант: Бегемот и Левиафан. Его он и предпочел, проявив научную осмотрительность и художественное чутье. С точки зрения библейской экзегетики, его решение было верным, поскольку вопрос о том, каких именно животных имел в виду священный писатель Книги Иова, не ре-

шен по сей день (эти слова оставлены без перевода и в появившейся через сто лет после Ломоносова русской синодальной Библии).

Образы Бегемота и Левиафана в Книге Иова, как и в «Оде, выбранной из Иова», призваны были продемонстрировать мощь Того, Кто сотворил этих грандиозных животных. Однако *зачем* они были сотворены? Свт. Иоанн Златоуст так отвечал на это: «Для того он сотворил этих двух зверей огромными, чтобы ты узнал, что Он может все сделать таким, но не делает, потому что [все] сотворил для твоей пользы. <...> Какая от них польза? – скажет кто-нибудь. Мы точно не знаем тайную пользу этих зверей, но если нужно что-то ответить, [мы скажем], что они ведут нас к богопознанию» [12, с. 250].

Средневековое представление о том, что в мире все устроено ради человека, не принадлежит к числу христианских догматов. Новое время противопоставило ему идею «цепи существ», в которой человеку отведено почтенное, но строго определенное место. Эта идея была достоянием чуть ли не всех современных Ломоносову ученых и не была чуждой лично ему [см.: 10, с. 64–67]. Тем удивительней, что в его духовных одах мир предстает устроенным именно *ради человека*.

В «Вечернем размышлении...» перед полною звезд и не имеющей «дна» космической «бездной», человек теряется, «мыслими утомлен». Созданная Богом вселенная повергает его в смятение своим избыточным великолепием. Но то же самое вызывает его восхищение в «Утреннем размышлении...», где утверждается, что Солнце, «сия ужасная громада», «...возжжена / Для наших повседневных дел, / Что Ты творить нам повелел!» Такую «пресветлую лампаду», как Солнце, зажигать «для наших повседневных дел», кажется, было совсем необязательно, но эта-то чрезмерная щедрость Творца и побуждает поэта воздать Ему хвалу и склониться перед Его волей, признав в Нем «бессмертного Царя»: «И на Твою взирая тварь, / Хвалить Тебя, бессмертный Царь». Под «тварью» здесь разумеется Солнце, чья громадность приводит взирающего на него человека в благоговейный ужас.

В Книге Иова Бог приводит его к раскаянию, показывая, во-первых, превышающее человеческую меру величие Своего творения, а во-вторых, избыточное многообразие созданных Им существ и неподвластность их человеку. Самые поразительные из этих существ как раз и есть Бегемот и Левиафан, описанием которых завершается речь Бога к Иову. Созданы же они были не для каких-то утилитарных челове-

ских нужд, а, по свт. Иоанну Златоусту, «для богопознания», т.е., в конечном счете, опять же для человека.

Заключительный вопрос в «Вечернем размышлении...» имеет параллель в переложении речи Бога к Иову. Ср.: «Скажите ж, коль велик Творец?» («Вечернее размышление...») и «Кто может стать против Меня?» («Ода, выбранная из Иова»). В обоих случаях речь идет о превосходстве Творца над тварным миром, но в первом случае – о Его непознаваемости, а во втором – о Его могуществе и невозможности для человека состязаться с Ним. Ведущей в «Оде, выбранной из Иова» оказывается мысль о *взаимоотношениях* человека и его Творца, чья речь представляет происходящее как борьбу: «Сбери свои все силы ныне... <...> Кто может стать против Меня?»

Последний вопрос не имеет соответствия в библейском тексте: он введен поэтом в качестве морали к описанию могущества сотворенного Богом Левиафана. Строго говоря, *переложение* из Книги Иова на этом заканчивается, но Ломоносов, прежде чем в заключительной строфе от себя сделать вывод из сказанного («Сие, о смертный, рассуждая...»), прибавляет к речи Бога целую строфу собственного сочинения: «Обширного громаду света / Когда устроить Я хотел, / Просил ли твоего совета / Для множества толиких дел? / Как персть Я взял в начале века, / Дабы создати человека, / Зачем тогда ты не сказал, / Чтоб вид иной тебе Я дал?»

В этой строфе высказаны две мысли: 1) человек не был участником творения мира, и в советах его Творец не нуждается; 2) человек является существом тварным. На первый взгляд, это лишнее добавление. Первая мысль и без того проходит через всю оду, а вторая подразумевается как самоочевидная. Зачем же Ломоносов добавил эту строфу?

Этому есть два объяснения. Первое лежит на поверхности: речь Бога в «Оде, выбранной из Иова» имеет структуру шестоднева, толкования на шесть дней творения мира. Выбирая стихи из Книги Иова, Ломоносов в некоторых местах слегка нарушает их последовательность ради большего соответствия порядку дней творения в Книге Бытия. Так, один стих – «Егда (сотворены) быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои» (Иов 38:7) – он разбил на две части, и вторую использовал раньше первой. Смысл этой перестановки в том, что ангелов («сонм небесных сил») уместней было упомянуть в начале, говоря о первом дне творения. «В начале сотвори Бог небо и землю» (Быт 1:1) – это обычно толкуется как сотворение духов-

ного мира (ангелов) и материи. Ломоносовское «Когда я твердь земли поставил, / И сонм небесных сил прославил...» отсылает именно к такому толкованию. Звезды же были сотворены позднее, поэтому о них говорится в следующей строфе, причем, в соответствии именно с Книгой Бытия (1:14–18), а не с Книгой Иова, тут же упомянуты солнце и луна: «Когда от солнца воссияли / Повсюду новые лучи, / Когда взошла луна в ночи». Сотворение светил небесных – это День четвертый, которому предшествовало создание «тверди», названной «небом» (День второй), отделение моря от суши и произведение растений из земли (День третий). Такая последовательность, вероятно, смущала Ломоносова как ученого, поэтому он, не будучи связанным обязанностями переложителя собственно Книги Бытия, сначала поместил речь о сотворении звезд, солнца и луны, а уже потом о море и суше. За этим легко объяснимым исключением, Бог в его переложении говорит о Своих созданиях, придерживаясь той последовательности, в которой, по Книге Бытия, они были сотворены: море и суша («Кто море удержал брегами <...> И с суши сдвинул Океан»), растения («И нивы в день палящей жажды...»), рыбы и пресмыкающиеся («Счел ли чуд разнообразных / Стада, ходящие по дну?»), птицы (Орел) и, наконец, животные (Бегемот и Левиафан). В этом ряду не хватает только человека, специального описания которого нет в исходном тексте. Поэтому Ломоносов и добавил строфу о сотворении человека из «персти».

Другое объяснение вытекает из общего смысла Книги Иова. Мир сотворен «прекрасным» и в «стройном чине», все описываемые в речи Бога к Иову создания совершенны в своем роде и отмечены печатью премудрости их Создателя. Значит, и человек – дело рук того же Создателя – должен быть совершенным в своем роде. Совершенство же человека как существа разумного и свободного предполагает его праведность. Бог, столь премудро пекущийся обо всех Своих творениях, конечно, все делает для того, чтобы явить человека праведным и совершенным. Иов был испытан, чтоб неоспоримо обнаружилась его праведность (которую, как известно, хотел оспорить сатана). Ропот же Иова был вызван тем, что, пораженный несчастьями, он усомнился, нужна ли и важна ли его праведность Богу, раз он, который был «непорочен, справедлив и богобоязнен» (Иов 1:1), наказывается подобно нечестивцам. Однако, даже усомнившись в этом, Иов в своей праведности устоял и дока-

зал свое бескорыстие. Это и был его подвиг, не оставленный в итоге без награды.

О том, что Бог сотворил человека предназначенным к праведности и все испытания посылаются ему для ее достижения, свидетельствуют слова Бога к Иову: «Не отвергай суда Моего: мниши ли Мя иначе тебе сотворша, разве да явишися правдив» (Иов 40:3)¹⁰. Последние слова Бога в ломоносовской строфе о сотворении человека отсылают именно к этому стиху: «Зачем тогда ты не сказал, / Чтоб вид иной тебе Я дал?» Речь идет, конечно, не о физическом облике человека. Имеющий «вид иной» в данном случае надо понимать как «не подверженный страданиям» и «не обремененный высоким предназначением». В Книге Иова именно за это пожелание Бог упрекает праведника, пострадавшего безвинно (но не бесцельно!). Ломоносов, понимая принципиальную значимость этого упрека, выделяет его и помещает в конце своего переложения Божественной речи в качестве самого горького, но и самого утешительного для Иова, возвращающего ему надежду на Промысл Божий о нем.

«Ода, выбранная из Иова», конечно, далека от того, чтобы представить всю проблематику библейской книги. Но те ее аспекты, которые затрагивает Ломоносов, являются самыми важными. Бог у него исповедуется не только как Творец, но и как Управитель, Промыслитель и Судия созданной Им вселенной, все в ней устроивший для блага человека, все делающий для того, чтобы явить его совершенным. Изображение «в стройном чине» устроенного «прекрасного света» в оде Ломоносова, как и в Книге Иова, это аргумент, предназначенный **для убеждения человека в правосудии все строящего для его пользы Творца**. «Ода, выбранная из Иова» – это **апология веры**, причем именно той, которой учит библейская книга в ее православном христианском понимании.

Примечания

1. Все переложения псалмов Ломоносова написаны четверостишиями, оба «Размышления» – шести-стишиями. «Ода, выбранная из Иова» – самая длинная в разделе «Оды духовные» (112 стихов), и она одна здесь написана строфами из восьми стихов.

2. Разбор ломоносовских переложений псалмов и основную литературу вопроса см.: [1, с. 242–280].

3. П.А. Катенин в 1830 г. свидетельствовал, что «все русские знают, конечно, выбранное Ломоносовым из Иова» [2, с.52]. Первые строки оды – «О ты, что в горести напрасно / На Бога ропщешь, человек...» – единственное, что «припомнил» гоголевский Хлестаков, когда дочка городничего попросила

его написать «на память какие-нибудь стишки в альбом» («Ревизор», действ. IV, явл. 12).

4. Переложение 103 псалма Ломоносов не включил в «Оды духовные», возможно, не только из-за его незавершенности, но и потому, что, озаглавленный в славянском переводе «О мирстем бытии», он тематически выбивался бы из ряда других псалмов и дублировал «Оду, выбранную из Иова» (это относится и к напечатанному в «Риторике» переложению самого короткого 116 псалма). О том, что в этих переложениях находится «прямой отклик на реальные обстоятельства жизни» Ломоносова [5, с. 338], т.е. об их автобиографическом подтексте, писали неоднократно (обзор суждений на эту тему см.: [1, с. 244–247]).

5. Далее стихи Ломоносова цитируются по этому изданию без ссылок.

6. Эти два четверостишия соответствуют двум стихам псалма (Пс 143:3–4), имеющим параллель в Книге Иова (Иов 7:17).

7. Ср. апологию астрономии в работе «Явление Венеры на Солнце...» (1761): «Несказанная премудрость дел Божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества Его понятие больше всех подает астрономия, показывая порядок течения светил небесных. Воображаем себе тем явственнее Создателя, чем точнее сходятся наблюдения с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых откровений, тем громче Его прославляем» [4, т. IV, с. 372]. О взглядах Ломоносова на соотношение веры и знания в интересующем нас контексте см.: [6, с. 287–300; 7, с. 57–70]

8. Подробнее об этом см.: [8, с. 75–97].

9. Такое толкование излагается еще у папы Григория Великого (VI в.) и признается также православной традицией, но не пользуется столь широкой, как на Западе, известностью.

10. В синодальном переводе это место выглядит иначе: «Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?» (Иов 40:3).

Список литературы

1. Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 609 с.
2. Катенин П.А. О поэзии еврейской // Катенин П.А. Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981. 374 с.
3. Дороватовская В. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей / Под ред. В.В. Сиповского. СПб.: [Я. Башмаков и К*], 1911. С. 33–65.
4. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. I–X. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1957.
5. Мотольская Д.К. Ломоносов и его современники // История русской литературы. Т. 3. Литература XVIII века. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 264–348.
6. Клейн И. Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного

импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 287–300.

7. Левитт М. «Вечернее размышление о Божем величестве» и «Утреннее размышление о Божем величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 57–70.

8. Коровин В.Л. Ломоносов и Библия: «Ода, выбранная из Иова» и Книга Иова // М.В. Ломоносов и Православие. Сборник статей о творчестве М.В. Ломоносова. М.: ИД «К единству», 2014. С. 75–97.

9. Разговор Ломоносова с Княжниним в Елисейских полях, с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. СПб., 1793.

10. Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. Л.: Наука, 1966. 260 с.

11. Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т.42. №3. С. 253–262.

12. Библейские комментарии Отцов Церкви и других авторов I–VIII вв. Ветхий Завет. [Т.] VI. Книга Иова. Тверь: Герменевтика, 2007. 312 с.

“ODE SELECTED FROM JOB” IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL ODES BY M.V. LOMONOSOV

V.L. Korovin

The subject of the article is the composition of the “Spiritual Odes” in the editions of Lomonosov’s works published during his lifetime. It is similar to the ideological structure of the biblical Book of Job: the sufferings and complains of the righteous, the admonishing speech of the God, and the man’s declaration of his limited knowledge and of the wisdom of the Creator. The key piece of work here is the “Ode selected from Job” which allows us to judge the attitude of Lomonosov towards different traditions of interpreting The Book of Job.

Keywords: Spiritual Odes by Lomonosov and his religious views, The Book of Job, the faith and the knowledge, Behemoth and Leviathan.

References

1. Lutsevich L.F. Psaltyr' v russkoy poezii. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2002. 609 s.

2. Katenin P.A. O poezii evreyskoy // Katenin P.A. Razmyshleniya i razbory. M.: Iskusstvo, 1981. 374 s.

3. Dorovatovskaya V. O zaimstvovaniyakh Lomonosova iz Biblii // M.V. Lomonosov. 1711–1911. Sbornik statey / Pod red. V.V. Sipovskogo. SPb.: [Ya. Bashmakov i K*], 1911. S. 33–65.

4. Lomonosov M.V. Poln. sobr. soch. T. I–X. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950–1957.

5. Motol'skaya D.K. Lomonosov i ego sovremenniki // Istoriya russkoy literatury. T. 3. Literatura XVIII veka. Ch. 1. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. S. 264–348.

6. Kleyn I. Rannee Prosveshchenie, religiya i tserkov' u Lomonosova // Kleyn I. Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoy literature XVIII veka. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. S. 287–300.

7. Levitt M. «Veчерnee razmyshlenie o Bozhiem velichestve» i «Utrennee razmyshlenie o Bozhiem velichestve»: Opyt opredeleniya teologicheskogo konteksta // XVIII vek. Sb. 24. SPb., 2006. S. 57–70.

8. Korovin V.L. Lomonosov i Bibliya: «Oda, vybrannaya iz Iova» i Kniga Iova // M.V. Lomonosov i Pravoslavie. Sbornik statey o tvorchestve M.V. Lomonosova. M.: ID «K edinstvu», 2014. S. 75–97.

9. Razgovor Lomonosova s Knyazhninym v Eliseyskikh polyakh, s priobshcheniem primechaniy na slavnuyu odu gospodina Lomonosova, vybrannuyu iz Iova. SPb., 1793.

10. Serman I.Z. Poeticheskiy stil' Lomonosova. L.: Nauka, 1966. 260 s.

11. Lotman Yu.M. Ob «Ode, vybrannoy iz Iova» Lomonosova // Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1983. T.42. №3. S. 253–262.

12. Bibleyskie kommentarii Ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vv. Vekhiy Zavet. [T.] VI. Kniga Iova. Tver': Germenevtika, 2007. 312 s.